

ности, апробированная в ситуации добровольного тестирования.

Построена типология системы ценностей-идеалов для лиц первичной профессиональной ориентации (14–22 года).

Изучена структура ценностей-идеалов различных возрастных и социальных групп: школьников младших, средних и старших классов, студентов различной профессиональной ориентации, работающей молодежи.

Полученные результаты используются в условиях профессиональной и личностной консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
2. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М., 1995.
3. *Бубнова С.С.* Исследование индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности. М.: Изд-во ИП РАН, 1991.
4. *Бубнова С.С.* Применение метода multidimensional spacing для анализа системы ценностных ориентаций личности // Методология математического моделирования. София, 1990.
5. *Бубнова С.С.* Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности // Методы психологической диагностики. М.: Изд-во ИП РАН, 1994. Вып. 2.
6. *Крылов В.Ю.* Геометрическое представление данных в психологических исследованиях. М., 1990.
7. *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей. Л., 1924.
8. *Лазурский А.Ф.* Проблема исследования личности в ее отношении к среде. Пг., 1912.
9. *Леонтьев А.Н.* Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972. № 9.
10. *Личность и ее ценностные ориентации.* М., 1969.
11. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
12. *Методики диагностики и коррекции основных компонентов педагогических способностей.* Ярославль, 1990.
13. *Мясищев В.Н.* Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. М., 1960.
14. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
15. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
16. *Gordon L.V.* The Measurement of Interpersonal Values. Chicago, 1975.
17. *Holland I.L.* The Psychology of Vocational Choice. Waltham, Mass., 1966.
18. *Rokeach M.* Beliefs, Attitudes and Values. A Theory of Organization and Change. L., 1972.
19. *Spranger E.* Lebensformen. Halle, 1922.
20. *Spranger E.* Types of Men. Halle, 1928.

VALUE ORIENTATIONS OF PERSONALITY AS A MULTIVARIATE NON-LINER SYSTEM

S. S. Bubnova

Cand. sci. (psychology), docent, sen. res. ass., head of the group of psychodiagnostics of motivation and value orientations, IP RAS, Moscow

Three-levels model of value orientations system including values-ideals, values characteristics of personality and value strategies of behavior was developed on the basis of non-liner, hierarchical and dynamic principles. The technique valid for diagnostics of value orientations has been working out. The typology of system of values-ideals was constructed for persons at the first stage of professional orientation. The dynamics of values-ideals in different age and social groups was revealed.

Key words: system of value orientations, multivariety, non-liner dynamic system, technique.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА “Я”*

© 1999 г. Н. В. Чудова

Канд. психол. наук, ст. науч. сотр. Института программных систем, Переславль-Залесский

Исследовалось влияние мифологической составляющей образа “Я” на атрибуцию личностных качеств в процессе межличностного оценивания и самовосприятия. Выявлена связь между мифологической идентификацией и такими параметрами картины мира, как когнитивная сложность в оценке окружающих, опора на предметные или метафорические шкалы, модель межличностного оценивания.

Ключевые слова: картина мира, образ “Я”, миф, семантическое пространство.

О существовании двух видов мышления или, шире, двух взаимодополнительных способов организации познавательных процессов в последние годы написано немало (анализ представлений в этой области дан в работе [8]). Установлено, что в основе одного из них лежат операции анализа и сравнения объектов по признакам, а в основе другого – процедуры опознания и установления тождества. Когда речь идет о таком объекте, как образ Я, процесс установления тождества, или “уподобление себя значимому другому как образцу на основании эмоциональной связи с ним” [11], называется идентификацией. Если же отождествление ведется не с реальным человеком, а с природным объектом или явлением, говорится о создании метафорического образа. Идентификация с персонажем мифа может быть соответственно названа мифологической идентификацией, результатом которой становится появление мифологического образа Я. Но существует ли мифологическая ипостась Я вне контекста психологического исследования, связаны ли миф и личность глубинными, сущностными связями, является ли миф по отношению к личности чем-то особым, тем, в чем личность, перефразируя Л.С. Выготского, не выражается, но совершается?

В философии на такого рода вопросы был дан положительный ответ. А.Ф. Лосев пишет о том, что “миф есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности”. И далее, подводя итог: “Можно ли эти выводы понять в том смысле, что всякая личность – мифична? Обязательно нужно так понять. Всякая живая личность есть так или иначе миф” [4, с. 74]. Анализируя затем взаимоотношения категорий мифа и личности, А.Ф. Лосев утверждает, что “миф есть не субстанциональное, но энергичное самоутверждение личности. Это...

утверждение [личности] в ее выявительных и выразительных функциях... Миф есть разрисовка личности, картинное излучение личности, образ личности” [там же, с. 94]. Это может означать, что мифологическая идентификация присутствует как реально и постоянно действующий механизм, участвующий в формировании образа Я. В этом случае мифологическая составляющая образа Я должна оказывать регулирующее действие на процессы атрибуции, внося в картину мира субъекта и его представления о себе “систематический сдвиг”. Характер такого сдвига будет тогда зависеть от объекта мифологической идентификации, поскольку различные мифологические сюжеты по-разному членят действительность, выдвигая одни способы взаимодействия с миром как фигуры и оставляя другие события жизни человека в качестве фона. Соответственно идентификация субъекта с тем или другим мифологическим героем должна быть связана с особенностями его “категориальной сетки значений” [6].

Итак, гипотезой настоящей работы явилось предположение о том, что мифологическая составляющая образа Я оказывает влияние на характер атрибутируемых себе качеств. Кроме того, выяснялась связь между мифологическим образом Я и особенностями категоризации при межличностном оценивании. В качестве объектов идентификации использовались герои народных сказок, поскольку в основе сказки всегда лежит мифологический сюжет [10, 12]. При изучении представлений испытуемых о себе и анализе специфики их картины мира применялся метод семантического дифференциала.

МЕТОДИКА

Испытуемые (57 чел. в возрасте 18–20 лет) должны были оценить 25 персонажей (сказочные герои, реальные люди, включая Я-реальное, и идеальные образы) по 25 биполярным семибалльным шкалам личностных

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ 98.06.80378).

прилагательных. Кроме того, испытуемые выбирали из перечня сказочных героев того, на кого они, на их взгляд, похожи. В предварительном опросе отбирались сказки, которые помнили все испытуемые. После совместного обсуждения был составлен список действующих лиц каждой сказки, который потом и предъявлялся в качестве стимульного материала.

Разбиение выборки испытуемых по типу мифологического образа *Я* проводили дважды. В основу первого положена классификация сказочных персонажей по выполняемым ими функциям ("под функцией понимается поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значения для хода действия" [10, с. 142]). В нашем случае актуальными оказались три функции – героя, награды, помощника. Второе разбиение проводили не по типу персонажа, а по типу сюжета, в котором данный персонаж фигурирует. Восемь сказок, использованных при опросе, были разбиты на три группы. Первую составили сказки, воспроизводящие мифологическую ситуацию нарушения запрета с последующими героическими усилиями по вытеснению вторгшихся сил хаоса и восстановлению первоначальной гармонии ("Царевна-Лягушка", "Сестрица Аленушка и братец Иванушка", "Красная Шапочка"). Вторая группа – сказки, сюжеты которых содержат представление о "правильном поведении", всегда вознаграждаемом в конце истории ("Золушка", "Морозко"). В третью группу вошли сказки, в сюжете которых явно просматриваются реминисценции о ритуале инициации ("Конек-Горбунук", "Молодильные яблоки", "Аленький цветочек").

Сравнивались результаты оценки самого себя по шкалам семантического дифференциала в группах, полученных при первом и втором разбиениях. При обработке данных использовалась непараметрическая статистика, так как шкалы, по которым изменяются значения переменных, являются порядковыми. Применялся критерий *U* Манна-Уитни для попарного сравнения выборок. Различия в самоописаниях в группах, составленных из испытуемых, выбравших себе одну и ту же функцию в сказке, были незначительны. Разбиение же по типу сказочного сюжета оказалось результативным, и дальнейший анализ данных велся с учетом выделенных таким образом групп.

Обработку результатов психосемантического исследования осуществляли следующим образом. Шкалы личностных прилагательных были разделены на предметные, метафорические и оценочные [3]. Предметные шкалы – это шкалы, описывающие объект с помощью признаков, релевантных для данного класса объектов. При оценке человеческого характера релевантными являются такие признаки, как смелый, ленивый, хитрый и т.п. Метафорические шкалы характеризуют объекты на языке признаков, релевантных для другого класса объектов. В описании человека это такие личностные прилагательные, с помощью которых могут оцениваться физические свойства объектов живой и неживой природы: теплый, мягкий, легкий и т.п. Оценочные шкалы не являются средствами описания свойств объектов, а дают возможность характеризовать личное отношение субъекта к данному объекту. Самой общей оценочной шкалой является шкала "хороший–плохой"; использовались также шкалы "приятный–неприятный" и "опасный–безвредный". Факторный анализ проводили дважды: для трех групп испытуемых, различающихся выбором "своей" сказки, и

для этих же групп испытуемых, но отдельно для каждого семантического пространства, построенного на одном типе шкал. Таким образом, для каждой группы испытуемых было построено четыре семантических пространства и каждая группа характеризовалась когнитивной сложностью в межличностном восприятии, а также размерностью предметного, метафорического и оценочного пространств.

Другое направление анализа данных, полученных методом семантического дифференциала, – выявление модели межличностного оценивания испытуемого [13]. По характеру соотношения оценок, полученных по метафорическим шкалам для "Я-реального", "идеального друга" и "идеального врага", каждый испытуемый может быть отнесен к одной из трех групп:

- люди, жестко делящие признаки, составляющие полюсы шкалы, на принимаемые и отвергаемые ("Я" и "друг" похожи, а "враг" противоположен по своим качествам);

- люди, рассматривающие полюсы шкалы как взаимодополнительные качества (пара "Я–друг" строится по принципу дополнительности качеств, "враг" при этом либо соперник и тогда похож на "Я", либо лжедруг и имеет те же качества, что и "друг");

- люди, фактически не использующие бинарные оппозиции для оценки принимаемого и отвергаемого в людях ("Я", "друг" и "враг" в равной степени попарно сходны).

Проводилось сопоставление результатов разбиения выборки по типу модели межличностного оценивания и по типу предпочитаемого сказочного сюжета.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выявлена связь мифологической идентификации с некоторыми особенностями представлений о себе.

В первой группе, в которую вошли испытуемые (20 чел.), выбравшие сказки с ситуацией нарушения запрета (независимо от того, какую функцию они выполняют в этой ситуации), оказались те, кто приписывает себе меньшую мягкость, легкость, наивность и чистоту, чем испытуемые с другой идентификацией. По шкале "тяжелый–легкий" медиана в этой группе приходится на значение -1 , в то время как в двух других группах на значение $+1$ (различия достоверны на уровне $p < 0.01$). По шкале "жесткий–мягкий" срединное значение в группе "Нарушение запрета" равно -2 , в группе "Инициация" $+1$ ($p < 0.01$), в группе "Правильное поведение" -1 ($p < 0.05$). На шкале "хитрый–наивный" медиана первой группы соответствует значению 0 , во второй группе это значение равно $+2$ ($p < 0.01$), в третьей $+1$ ($p < 0.05$). На шкале "чистый–грязный" все оценки тяготеют к полюсу чистоты, но у испытуемых первой группы эта тенденция выражена слабее ($p < 0.05$).

Испытуемые второй группы (15 чел.) – ситуация "Правильное поведение" – воспринимают себя менее смелыми и более наивными и глубокими, чем представители других групп. Значение

медианы на шкале "трусливый-смелый" составляет для этой группы -2, для двух других групп -1 ($p < 0.05$). На шкале "мелкий-глубокий" медиана во второй группе приходится на -1, а в двух других на -2 ($p < 0.05$).

В третьей группе (22 чел.) – ситуация "Инициация" – оказались люди, которые в собственных глазах выглядят более мягкими, умными и менее сильными. Срединное значение в группе "Инициация" по шкале "жесткий-мягкий" равно +1, в других же группах 75% ответов лежат в отрицательной области значений, т.е. люди воспринимают себя скорее как жестких, чем мягких ($p < 0.05$). По шкалам "слабый-сильный" и "глупый-умный" все испытуемые относят себя к положительному полюсу, но в силу малого разброса данных отличие третьей группы от двух других все же оказалось достоверным (на уровне $p < 0.05$).

Факторный анализ данных семантического дифференциала показал следующее.

Наиболее когнитивно простыми оказались испытуемые, выбравшие сказочные сюжеты с нарушением запрета. При оценке других людей они опираются только на два фактора, объясняющие 38.0 и 30.3% общей дисперсии. Первый фактор составлен метафорическими и оценочными шкалами: теплый, мягкий, открытый, чистый, светлый, добрый, хороший, безвредный, приятный. Второй фактор задан преимущественно предметными шкалами: напористый, сильный, активный, смелый. Таким образом, эта группа испытуемых демонстрирует двумерное пространство оценки и силы-активности.

Семантическое пространство в группе "Правильное поведение" строится на четырех факторах (29.5, 11.5, 12.7, 10.2% общей дисперсии). Первый фактор – оценочно-метафорический (теплый, мягкий, открытый, чистый, светлый, глубокий, добрый, хороший, приятный). Второй – чисто метафорический (громкий, яркий). Третий и четвертый факторы составлены предметными шкалами (трудолюбивый и напористый; интересный, целеустремленный и умный). Эти испытуемые имеют наибольшую когнитивную сложность в предметном семантическом пространстве – четыре фактора (надежный, активный, хитрый, трудолюбивый). Их метафорическое пространство двумерно (теплый, яркий).

Испытуемые группы "Инициация" оказались наиболее развитыми в сфере межличностного восприятия – они оценивают людей по пяти факторам. Первый и второй факторы – метафорические (10.8 и 7.3% дисперсии): сильный и глубокий; громкий и яркий. Третий фактор – оценочно-метафорический (24.3% дисперсии). Четвертый и пятый факторы предметные (13.3 и 7.3%): интересный, умный и целеустремленный; трудолюбивый и напористый. Спецификой этой группы яв-

ляется то, что их мировосприятие состоит как бы из двух частей – общее семантическое пространство строится на сумме тех факторов, которые составляют метафорическое (трехмерное) и предметное (двумерное) пространства.

Итак, группа "Нарушение запрета" оперирует факторами "теплый и добрый" и силы-активности. В группах "Правильное поведение" и "Инициация" происходит расщепление фактора силы-активности на два: общей и интеллектуальной активности. От фактора оценки в семантическом пространстве группы "Правильное поведение" отщепляется фактор яркости, а в группе "Инициация" – еще и фактор глубины. В целом, в результате психосемантического исследования обнаружено, что в большинстве случаев метафорические и предметные шкалы оказались принадлежащими разным факторам, при этом оценочные образуют общий фактор только с метафорическими шкалами (в общем семантическом пространстве происходит "слипание" оценочного фактора и максимально нагруженного фактора метафорического пространства).

Сопоставление разбиения выборки по типу предпочитаемого сюжета и по типу модели межличностного оценивания выявило следующее. В группе "Инициация" преобладают испытуемые с первым типом модели оценивания (72.8%), т.е. те, кто отдает предпочтение похожим на них партнерам. В группе "Правильное поведение" больше тех, чья модель межличностного оценивания основана на принципе дополнительности (59.3%), т.е. они обладают вторым типом модели. Группа испытуемых, предпочитающих сюжет с "Нарушением запрета", более чем наполовину (55%) состоит из тех, кто демонстрирует амбивалентность в оценке качеств человека (третий тип модели оценивания). Среди испытуемых с первым типом модели оценивания (25 чел.) почти две трети – 64% – выбрали сюжет с инициацией; из 18 испытуемых со вторым типом ровно половина выбрала сюжет с правильным поведением; среди 14 чел. с третьим типом модели 78.1% предпочли сюжет с нарушением запрета.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Наиболее важным и интересным, с нашей точки зрения, является то, что характер представлений о себе связан не столько с оценкой собственного поведения (исполнения определенной роли, "функции" в сказке), сколько с отношением к своей жизненной ситуации в целом (представленной метафорически в виде определенного сказочного сюжета).

Рассмотрим этот результат более подробно.

О.М. Фрейденберг в своей работе "Поэтика сюжета и жанра" указывает на то, что "основной

закон мифологического, а затем и фольклорного сюжетосложения заключается в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, разворачивается в действие, составляющее мотив" [12, с. 223–224]. Таким образом, если мифологическая составляющая реально присутствует в образе Я современного человека, то идентификация со сказочным персонажем регулируется выбором сюжета, а не формальной ролью, выполняемой тем или иным персонажем. "Сюжет – система развернутых в словесное действие метафор; эти метафоры являются системой иносказаний основного образа... И персонаж и сюжет одинаково представляют собой метафоры, и потому они не только связаны друг с другом, но семантически совершенно тождественны" [там же]. Поэтому для мифологической идентификации должен быть важен сюжет, в развитии которого принимает участие выбранный персонаж, а не функция, выполняемая им в сказке, поскольку для мифологического сознания (и, в частности, самосознания) все персонажи в рамках одного сюжета тождественны и работают лишь на раскрытие мифологического образа (в нашем случае – образа Я). Это и демонстрирует наш первый результат: атрибутируемые самому себе черты зависят от типа сюжета, а не от той роли, которую исполняет выбранный испытуемым персонаж.

Итак, по-видимому, мифологическая основа сказки актуализирует в сознании человека тот слой знаний о себе, в котором содержится представление о правильном, "эталонном", для данного человека ходе событий в его жизни. Миф для архаического сознания есть, по мнению М. Элиаде, не рассказ о событиях, произошедших когда-то, а образец поведения в жизненной ситуации, существующей теперь [14]. Соответственно каждая принципиально новая ситуация требует нового мифологического сюжета, а отнесение себя к тому или иному мифу выступает как акт выявления, доопределения своей экзистенциальной ситуации. Поведение человека включено в мифе в более широкий контекст всего происходящего в его жизни, и отсылка к мифологическому событию, задаваемому типом сказки, неслучайно выступает более мощным средством экспликации образа Я, чем ассоциация с ролью, выполняемой сказочным персонажем. Само переживание собственного существования через мифологическое представление позволяет человеку, по мысли М. Мамардашвили, увидеть себя целиком, "собранным", т.е. перейти в восприятии себя к тому уровню, на котором представлена модель личности, а не порожденные ее проекцией на конкретную ситуацию и поэтому разрозненные, отчасти случайные свойства. "Полнота бытия не может быть достигнута эмпирически... античная трагедия всегда есть способ завершения смыслов, ко-

торые эмпирически завершить нельзя. Нельзя все знать, нельзя везде быть. Но эту завершенную (но реально не завершаемую) последовательность натурального хода времени можно дать символом, мифологическим или трагедийным представлением..." [5, с. 47–48]. Можно предположить, что сходные представления о себе у разных людей появляются вследствие работы одной и той же модели личности, тогда адекватность представлений о себе экзистенциальной ситуации, а не роли позволяет делать определенные выводы об устройстве модели личности.

Второй полученный нами результат – связь представлений о себе с некоторыми особенностями образа мира – также нуждается в комментарии. Особенности атрибуции личностных черт, выявленные в проведенном психосемантическом исследовании, свидетельствуют о том, что, помимо образа экзистенциальной ситуации, модель личности опирается на определенные средства описания реальности. Испытуемые, различающиеся характером мифологической идентификации, отличаются также и степенью когнитивной сложности межличностного восприятия, имплицитной моделью межличностного оценивания и преимущественным использованием метафорических или предметных шкал.

Само различие между видами шкал может быть охарактеризовано следующим образом.

Выделение признаков структуры объекта и оценка выраженности того или иного признака осуществляются с помощью предметных шкал. Соответственно полюсы такой шкалы представляют собой прилагательные, описывающие какое-либо свойство в его максимальном и минимальном выражении, при этом все точки на шкале принадлежат этой шкале [9].

Иначе устроена метафорическая оценка объекта. Любое метафорическое описание, в том числе метафорическое личностное прилагательное, – это образ. Метафорическая шкала образуется из противопоставления двух образов – полюсов шкалы. Оценка по такой шкале определяет меру принадлежности объекта к одному или другому образу. Точка, равноудаленная от обоих полюсов, характеризует объект, который нельзя отнести ни к одному, ни к другому образу. Нуль на метафорической шкале представляет собой место "встречи" двух самостоятельных образов и отсылает к чему-то не принадлежащему этой шкале, "трансцендентному" выбранной плоскости противостояния образов.

Итак, люди, использующие преимущественно механизм предметных шкал, пополняют свои представления об окружающих, сравнивая их по некоторому набору свойств. Те же, кто опирается в межличностном восприятии на метафорические оценки, определяет лишь степень принад-

лежности человека к тому или иному образу, в неявном виде предполагая при этом наличие чего-то внеположного всем уже известным образам. Существует, однако, и третий механизм формирования представлений о себе и окружающих. Процедура различения, лежащая в основе описания с помощью шкалы (признаков или образов), не используется некоторыми людьми, и соответственно метод семантического дифференциала оказывается неадекватен их мировосприятию.

Относительно функционирования этих трех механизмов описания реальности можно выдвинуть два предположения.

Первое касается их происхождения в индивидуальной психике. Механизм предметного описания формируется на основе процедуры сравнения объектов по отдельным признакам, закрепленным в значении слов. Механизм метафорического описания опирается на образ, который, как известно, "адекватен не стимулу, а действиям субъекта в предметном мире" [2, с. 147]. Когда речь идет об образе другого человека, действие в предметном мире превращается в акт субъектного отражения [8]. Согласно концепции А.В. Петровского, порождаемый этим актом образ *другого* фиксирует те его свойства, которые производят направленное изменение в свойствах самого субъекта в ситуации непосредственного или воображаемого контакта. Таким образом, использование механизма предметного описания связано с овладением системой значений, а механизм метафорического описания предполагает выработку внутреннего языка психических состояний, способного регистрировать изменения, происходящие в образе *Я*.

Второе предположение о различиях в способах описания реальности относится к характеру творческого продукта. Новое в предметном описании – это обнаружение еще неизвестных категорий для описания, новых свойств известных объектов, конструирование (реальное или виртуальное) новых объектов с заданными свойствами. Механизм метафорического описания "настроен" на порождение новых субъективных состояний, на открытие новых областей переживания, "проживания" еще не актуализировавшихся сторон образа *Я*. О третьем механизме можно сказать лишь то, что результатом поисковой активности в данном случае может быть сам способ описания реальности. Так как стабильного правила, средства различения объектов третий механизм не предполагает (универсальное средство дифференцировки – шкала – такими испытуемыми фактически не используется), то любая ситуация, требующая достаточно полного и адекватного отражения, должна вызывать к жизни творческую активность, направленную на продуцирование новых средств описания. Применение принципиаль-

но нового и достаточно мощного языка описания порождает ощущение открытия новой реальности (как это характерно для мировосприятия суперпрограммистов [1]). В этом состоит отличие результатов работы третьего механизма от действия первых двух: происходит не достройка реальности – новыми областями знаний или пластами переживаний, а замещение прежней реальности (недостаточно дифференцированной и соответственно недопонятой и *недо*чувствованной) – новой, иной, виртуальной.

И последний результат, который хотелось бы отметить пока как предварительный: полученные в нашем исследовании данные свидетельствуют о наличии связи между характером мифологической идентификации и типом модели межличностного оценивания. Другими словами, принцип, в соответствии с которым человек принимает или отвергает других людей, и образ "своей" экзистенциальной ситуации взаимообусловлены.

ВЫВОДЫ

Выявлена связь между характером атрибутируемых себе личностных черт и типом того мифологического сюжета, с персонажем которого идентифицирует себя испытуемый. Существенно, что представления о себе адекватны не функции, выполняемой героем, а событию, в котором он принимает участие. Среди выделенных таким образом групп одна – это та, в которой собраны испытуемые, предпочитающие сюжеты, описывающие правильное поведение, – отличается большей развитостью процедуры сравнения по признакам (большая размерность семантического пространства, строящегося на предметных шкалах, и больший вклад предметных шкал в факторную структуру пространства личностных свойств). В группе испытуемых, выбирающих сюжеты, содержащие нарушение запрета, наблюдается низкая когнитивная сложность в межличностном восприятии и неиспользование большинством испытуемых бинарных оппозиций при оценке принимаемого и отвергаемого в людях. Для картины мира испытуемых, предпочитающих сказки с инициацией, характерна максимальная задействованность процедуры отождествления в межличностном восприятии, при этом семантическое пространство личностных свойств оказывается как бы двойным, составленным из двух независимых наборов факторов – метафорического и предметного пространств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долныкова А.А., Чудова Н.В. Психологические особенности суперпрограммистов // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 1.

2. Зинченко В.П. От генезиса ощущений к образу мира // А.Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд-во МГУ, 1983.
3. Леонтьев Д.А. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1990. № 3. С. 18–26.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Полит. литература, 1991.
5. Мамардашвили М. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
6. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988.
7. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 42–56.
8. Петухов В.В. Воображение и познание // Модели мира. М., 1997.
9. Поспелов Д.А. Серые и/или черно-белые? // Прикладная эргономика. 1994. № 1. С. 29–33.
10. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976.
11. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко и др. М.: Педагогика-Пресс, 1997.
12. Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
13. Чудова Н.В. Влияние личностных характеристик субъекта на его представления об идеальном партнере // Психол. журн. 1993. Т. 14. № 3. С. 28–38.
14. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

MYTHOLOGICAL COMPONENT OF SELF-IMAGE

N. V. Chudova

Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., Institute of program systems, Pereslavl-Zalessky

Influence of mythological component of self-image on attribution of personality characteristics in the process of interpersonal evaluation and self-perception was studied. Relation between the mythological identification and such parameters of reality representation as cognitive complexity of interpersonal evaluation, using objective and metaphorical scales, model of interpersonal judgment was revealed.

Key words: models of the world, self-image, myth, semantic space.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В РОССИИ

© 1999 г. И. Г. Дубов*, Т. Б. Затылкина**

* Канд. психол. наук, зав. лабораторией социально-психологических проблем сознания,
Психологический институт РАО

** Мл. научный сотрудник того же ин-та

Рассматриваются итоги дискуссии о статусе российской общенациональной идеи и основных требованиях к ней; подчеркивается необходимость психологической интерпретации социологических опросов, проясняющей специфику отношения граждан России к различным ее вариантам. Приводятся результаты репрезентативного всероссийского опроса 1600 человек из 31 субъекта Российской Федерации. Представленный список содержал 19 формулировок наиболее часто употребляемых в СМИ общенациональных идей. Дается психологическая интерпретация выявленных в опросе предпочтений респондентов. Сформулированы три условия превращения высказываемых идей в общенациональную идею, принимаемую массовым сознанием и побуждающую к совместной деятельности.

Ключевые слова: общественное мнение, общенациональная идея, мотивация, совместная деятельность, массовое сознание, социальное влияние, ментальность.

Дискуссия о гипотетической национальной идее, которая могла бы объединить население страны, носит преимущественно публицистический характер, поскольку первыми в нее включились публицисты и представители тех областей гуманитарной науки, которые в наименьшей степени связаны с получением и переработкой материалов, имеющих статистическую достоверность.

Авторы публикаций предложили достаточно много вариантов идеи, которые, по их мнению, могли бы стать объединяющими для вариантов идеи, которые, по их мнению, могли бы стать объединяющими для большинства населения России, связывая их с такими абсолютно разными понятиями, как патриотизм, федерализм, духовность, православие, национальное самосознание, гражданское общество, экономическое развитие, личностное совершенствование, социалистические идеалы, государственное строительство, монархизм и многое другое.

Основа такого положения дел очевидна. Не умаляя важности общегуманитарного анализа, следует все же отметить, что при решении подобных задач спекулятивная методология часто заводит в тупик, поскольку мнений по обсуждаемым вопросам возникает, как правило, ровно столько, сколько имеется участников дискуссии.

С целью найти более строгие критерии оценки высказываемых предложений, группа консультантов при администрации Президента Российской Федерации сформулировала 13 требований к национальной идее, основными из которых являются следующие: она должна определять новое

движение в контексте пройденного пути, выражать философию жизни большинства граждан, иметь духовно-нравственный характер, выявлять цель реформ, определять структуру будущего общества, задавать конкретные цели развития нации, раскрывать пути достижения экономического процветания и т.д. [18].

Нельзя сказать, что данные пожелания в научном плане выражены достаточно четко. Наличие такого числа критериев не только технически усложняет оценку высказанных предложений, но и не позволяет вычлени из второстепенного то главное, без чего национальная идея не может стать системообразующим элементом массового сознания. Чтобы разобраться в этом вопросе, представляется целесообразным распределить высказанные в ходе дискуссии предложения в три условно выделенных подхода к определению российской общенациональной идеи.

Первый из них заключался в том, что часть авторов решила непосредственно обратиться к научному наследию русских философов конца прошлого и начала нынешнего веков. Двигаясь от формулы Уварова "Православие. Самодержавие. Народность" и размышлений Достоевского о судьбах России, ученые того времени пришли к выводу о том, что русская идея определяется скорее как "Православие. Соборность. Общинность". Данная триада была дополнена общефилософскими рассуждениями о мессианстве, жертвенности, мистицизме, нестяжательстве, предрасположенности к авторитарному правлению и некоторых других